Протоиерей Георгий Митрофанов — о голосе и даре митрополита Антония Сурожского

Почему митрополит Антоний был обречен остаться невостребованным в период церковного возрождения, о какой церковной жизни он мечтал и что важно помнить сегодня тем, кто стремится к разнообразным объединениям, рассказывает протоиерей Георгий Митрофанов, доктор богословия, заведующий кафедрой церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, настоятель храма апостолов Петра и Павла при Академии последипломного педагогического образования.

Выступление на презентации третьей книги «Трудов» митрополита Сурожского Антония в Просветительском центре Феодоровского собора Санкт-Петербурга.

— Мы очень боимся пауз в нашем богослужении и в нашей жизни. Пауз, которые в тишине оставляют нас наедине с Богом. Вероятно, от какой-то подсознательной боязни остаться один на один с Богом, услышать именно Его голос, мы постоянно стремимся создавать вокруг себя даже в храме какой-то звуковой фон. Мы как-то с отцом Александром Сорокиным эту тему обозначили для себя во время богослужения, когда непроизвольно во время возникшей паузы в пении хора одновременно второпях стали произносить возглас, решив, что пришло время возгласа и, конечно же, тишины допустить нельзя, а это просто певчие переворачивали листы партитуры. Боязнь безмолвия, в котором, может быть, гораздо слышнее звучит голос Бога. Тот самый голос, который призывал услышать митрополит Антоний.

Церковь, которой я еще не знал

Голос митрополита Антония я впервые услышал почти пятьдесят лет назад в радиоле

«Ригонда-Моно» в своей коммунальной квартире на радиостанции «Би-Би-Си» в воскресной религиозной программе. Мне было тогда двенадцать лет, и, собственно, это было по существу первым опытом слушания проповеди как таковой, вскоре переросшим в регулярное слушание каждый воскресный день проповедей именно митрополита Антония, который стал для меня не только первым миссионером, но и первым говорящим, а не лишь «поющим и вопиющим» за богослужением священнослужителем. При этом увидеть его даже на фотографии мне довелось очень нескоро.

Действительно, все мои школьные годы проходили в ощущении того, что я слышу не просто голос Русской Православной Церкви, которая здесь в Советском Союзе вроде бы есть, но какая-то другая. Немногочисленные храмы, в которых служат, но крайне редко и скупо проповедуют священнослужители, явно непохожие ни стилистически, ни риторически, ни богословски на этого митрополита Антония. Священнослужители, с которыми ты не знаешь, как и заговорить-то, тем более будучи школьником, хотя и старшеклассником. Ты их боишься, и они тебя опасаются. И только от воскресенья к воскресенью я открывал для себя и Евангелие, и церковную жизнь. И, конечно, это был опыт уникальный, просто потому, что митрополит Антоний открывал не ту Церковь, которая ценой неимоверных потерь и компромиссов, потерь часто лучших своих представителей и компромиссов отнюдь не лучших своих руководителей смогла выжить в Советском Союзе в храмах Русской Православной Церкви Московского Патриархата, к которому тем не менее принадлежал и митрополит Антоний.

И тем не менее именно митрополит Антоний сыграл немалую роль в формировании у меня идеального образа русской православной церковной жизни, но, конечно же, остававшейся такой только в России дореволюционной или России зарубежной. Вы предчувствуете уже, что я готов несколько критически отозваться на этот опыт? Действительно, могу сказать прямо, митрополит Антоний вел меня ко Христу, но через какую-то совсем другую Церковь, нежели та, которая окружала меня, встреча с которой ожидала меня и в которой я вот уже более тридцати лет служу в качестве священника. Я так и не увидел той Церкви, о которой рассказывал митрополит Антоний, как я не увидел при его жизни и его самого. А теперь уже увидеть ни его невозможно, ни той Церкви, от имени которой он говорил, которой была Сурожская епархия, а на самом деле, полагаю я, всего лишь Сурожская община, которую он создал.

Конечно, это был своеобразный свой среди чужих, чужой среди своих в иерархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, но могу предположить, что в любой иерархии он был бы в чем-то чужой. Ибо это был действительно уникальный иерарх, сочетавший в себе черты пастыря, миссионера и, что было особенно значимо для меня тогда, не отделявший Церковь от русской, да и мировой культуры в целом. Выразителем этого синтеза Церкви и культуры митрополит Антоний оставался многие

годы для меня, школьника, потом студента, потом матроса, потом опять студента, потом младшего научного сотрудника, а потом и семинариста, уже лично знакомого с такими единомысленными митрополиту Антонию священнослужителями, каким был, например, архимандрит Ианнуарий (Ивлиев).

Митрополит Антоний сформировал мое видение Церкви, которой я еще не знал. Он исполнил меня, может быть, даже завышенными ожиданиями. Но, самое главное, он не вел меня в ту земную церковь, в которую я пришел, он обращал меня ко Христу. И это было, наверное, самым главным. К чему собственно он и стремился по отношению ко всем, кому он проповедовал. И чему не могло помешать даже то, что он вынужден был выступать со своими проповедями на радио.

Любой яркий проповедник, ну, на пятьдесят процентов теряет свою убедительность, если его читают или слушают на радио. Исчезает самое главное, вот этот, безусловно харизматический элемент — общение глаза в глаза. Совместное литургическое переживание слов проповеди проповедника вместе с теми, кто внимает его словам, кто, если угодно, по ходу слова проповедника корректирует его. Хотя тот колоссальный опыт, который приобрел митрополит Антоний на радио «Би-Би-Си», сделал его, наверное, одним из самых лучших радиопроповедников.

Он говорил с Богом на каждой своей проповеди и говорил одновременно с каждым из тех, кого он даже и представить-то себе не мог.

И говорил он с теми, кто особенно был для него значим и дорог, он говорил с Россией, что собственно и подтолкнуло его войти в клир именно Московской Патриархии, что для той церковно-общественной среды, которая сформировала митрополита Антония, тогда было в высшей степени странным шагом, может быть, даже в чем-то и ошибочным.

Христос — основа жизни христианина

Но я в данном случае не могу не сказать именно об этом историческом аспекте не только церковно-юрисдикционного, но и церковно-экзистенциального выбора митрополита Антония. Он пребывал в юрисдикции той церковной иерархии, которая в духовно-пастырском, богословско-мировоззренческом, культурно-политическом отношениях была во многом чужда ему, которая часто не могла или даже не хотела отзываться на то, что представлялось жизненно важным для митрополита Антония.

Достаточно вспомнить его реакцию на высылку Александра Исаевича Солженицына, за что он поплатился должностью экзарха Западной Европы, за которую, естественно, не держался и которая же столь естественно перешла к одному из самых выдающихся архиереев Московской Патриархии той поры митрополиту Никодиму. Этот в высшей степени символический эпизод уже тогда, в середине 70-х годов, как будто предвозвестил, что жизнь в нашей Церкви, даже если она, а тогда это представлялось просто немыслимым, станет, наконец, свободной от внешнего диктата тоталитарного государства, будет определяться не «антониевцами», а «никодимовцами», сколь бы не отличались внешне от своего учителя и не конкурировали между собой эти «никодимовцы». Впрочем, у митрополита Антония не было, да и не могло быть широкого круга учеников и даже последователей. Слишком громадна и уникальна была его личность и слишком мелка и ординарна оказывалась церковная жизнь, утверждавшаяся в последние годы его жизни как в России, так и в Русском Зарубежье.

Я очень сожалею, что в то самое время, когда я вдохновенно внимал проповедям митрополита Антония на радиостанции «Би-Би-Си», наши спецслужбы методично глушили радио «Свобода» и я не услышал другого проповедника, как-то стилистически мне более созвучного — отца Александра Шмемана. Я услышал его значительно позднее. А ведь оба этих великих проповедника в чем-то очень различны и в чем-то одновременно очень созвучны между собой. И очень, хочу это подчеркнуть, одиноки в той церковной среде, которая окружала их при жизни и продолжает привычно существовать, лишь принимая их к сведению после их смерти. Один в Русской Православной Церкви Московского Патриархата, другой в Американской Православной Церкви.

Мне кажется, один из главных его заветов заключается в том, что мы, часто оказываясь в церкви, стремимся ощутить себя в какой-то новой общности, то ли советских, то ли не советских, то ли русских, то ли незнамо каких людей, и забываем, что главное в церкви — это единение с Богом. Даже если окружающие тебя церковные люди, даже твои сослужители не в состоянии воспринять твоего опыта общения с Богом. И митрополит Антоний и протопресвитер Александр Шмеман шли именно таким путем. И для меня, конечно, важным этапом в переосмыслении проповедей митрополита Антония, которые даже в какой-то момент жизни стали казаться какими-то пресными, стали «Дневники» отца Александра Шмемана. Он вернул меня к митрополиту Антонию.

Я думаю, что митрополит Антоний был обречен оказаться невостребованным в период нашего церковного возрождения. И то, что случилось с его епархией в период нашего церковного возрождения, то, что она перестала существовать, является выразительным

свидетельством того обстоятельства, что возрождение, которое началось у нас, было не возрождением той церковной жизни, о которой мечтал и которую созидал митрополит Антоний, а рождением какой-то другой жизни, которая не сочеталась с духовным опытом митрополита Антония. И к этому, наверное, он тоже в каком-то смысле не был готов, но подготавливал нас, тех, кто слушал его, когда он говорил о Христе как основе жизни христианина.

Можно потерять общину, можно потерять епархию, но можно остаться со Христом.

А можно, сохраняя общину, сохраняя епархию и даже Поместную Церковь, остаться без Христа. И это опыт, на самом деле, очень многих священнослужителей.

Какую Церковь мы выбираем

Я начал свой разговор о митрополите Антонии с его дара слова, с его проповедничества, ибо в мою жизнь он вошел именно как проповедник. То есть то, что он был проповедник-богослов, я об этом не говорю, это очевидно. То, что он был проповедник-миссионер, также очевидно, об этом говорилось, и каждый из нас ощущал его в разных его ипостасях, которые были нам нужны в тот или иной момент. Он всегда был актуален. Но я бы хотел завершить свой такой, может быть, несколько сумбурный, для историка слишком эмоциональный монолог одним в достаточной степени, может быть, очевидным и очень актуальным тезисом.

Я тоже, как любой более или менее ответственный священник, пытаюсь проповедовать, да и все мы, христиане, призваны быть в той или иной степени проповедниками. В общем, мы стараемся в меру своих сил продолжать его дело. Именно его, я надеюсь, а не кого-либо другого. Но, к сожалению, получается так, что сейчас от имени нашей Церкви говорят не митрополит Антоний и не отец Александр Шмеман, а совершенно иные, более напоминающие идеологических пропагандистов, чем церковных проповедников, клерикальные агитаторы. И то, что говорят они, открывает нам совершенно другую церковь, нежели та, которую открывал митрополит Антоний. Если бы я слушал в свое время их, а не митрополита Антония, я бы решил, что искать Христа в Русской Православной Церкви бесполезно, Его там просто нет. Как это, наверно, слушая их сейчас, решают для себя многие наши современники.

Поэтому я призываю издателей творческого наследия митрополита Антония в этот

судьбоносный момент в истории Русской Православной Церкви, когда вопрос стоит именно о том, какую Церковь мы выбираем, Церковь Христову или церковь русского мира, к тому, чтобы благодаря вашей деятельности мы бы имели и далее возможность пользоваться тем великим наследием, которое оставил нам один из самых лучших в истории русской проповеди проповедников и один из самых пастырски чутких в истории Русской Православной Церкви богословов — митрополит Антоний Сурожский.

Протоиерей Георгий Митрофанов

25 декабря 2019

Источник: «Правмир»